

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУВПО «АмГУ»

УТВЕРЖДАЮ

Зав.кафедрой РФ

_____ Е.А.Оглезнева

« _____ » _____ 2007г.

СПЕЦСЕМИНАР

«СТАРООБРЯДЧЕСТВО АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
для специальности 031001 – «Филология»

Составитель: Н.Г. Архипова

Благовещенск

2007

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
филологического факультета
Амурского государственного
университета*

Архипова Н.Г.

Старообрядчество Амурской области: лингвистический аспект. Спецсеминар. Учебно-методический комплекс для студентов специальности 031001 «Филология». – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. – 36 с.

Учебно-методический комплекс по дисциплине «Спецсеминар» предназначен для студентов, обучающихся по специальности 031001 – филология (основная специализация – русский язык и литература). Комплекс содержит программу дисциплины, краткие конспекты по отдельным темам, задания для самостоятельной работы, вопросы к зачету, список основной и дополнительной литературы.

© Амурский государственный университет, 2007

Цели и задачи дисциплины

Спецсеминар по русскому языку входит в Федеральный компонент Государственного образовательного стандарта по специальности филология, является дисциплиной общепрофессиональной подготовки и предназначен для студентов, обучающихся по специальности 031001 «Филология» (основная специализация «русский язык и литература») на 3 курсе в первом и втором семестрах. Программа курса составлена в соответствии с требованием государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Курс рассчитан на 68 ч. практических занятий и 68 ч. самостоятельной работы.

Цель курса – углубить языковедческую подготовку студентов-филологов в аспекте этнолингвистического анализа диалектного текста; познакомить с историей и современным состоянием языка и культуры старообрядцев мира, России и Амурской области.

В ходе изучения курса решаются следующие задачи:

– усвоить основные понятия курса, знать связь с другими лингвистическими дисциплинами;

– иметь представление об истории и современном состоянии старообрядчества, а также о специфике лингвистической системы современных старообрядческих говоров;

– знать о различных методах изучения языка и культуры старообрядцев;

Данный раздел науки органично связан с другими разделами лингвистики, непосредственно с курсами диалектологии, истории России, культурологи, этнографии.

По завершении обучения по дисциплине студент должен:

– овладеть системой знаний о древнем и современном состоянии старообрядческих говоров, об основных этапах развития старообрядческого движения;

– иметь представление о жизни старообрядцев по данным их языка;

– получить сведения о духовной и материальной культуре, религии старообрядцев;

– знать классификацию старообрядческих толков и согласий, теорию возникновения старообрядчества;

– иметь навык правильного оформления научной работы;

– иметь навыки научного выступления и научной дискуссии.

Зачет по спецсеминару в первом семестре студент получает при условии активной работы на семинарских занятиях и успешного выступления с научным сообщением по одной или нескольким темам занятий. Текст выступления должен быть оформлен в соответствии с требованиями стандарта АмГУ. Итоговой формой отчетности является курсовая работа во втором семестре, оформленная в соответствии с требованиями стандарта АмГУ.

Содержание дисциплины

Тема	Кол. час	Основные источники	Самост. работа	Формы контроля за самост. работой
Первый семестр				
Русские старообрядцы: понятие, основные этноконфессиональные признаки	2	Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 42-56	Чтение и конспектирование отдельных глав (1-5 т.1) из монографии Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 56 - 276	Проверка конспектов, выступление на семинаре с докладами по прочитанным главам.
Исторические судьбы русского старообрядчества	2	Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 56-276	Чтение и конспектирование отдельных глав (1-5 т.1) из монографии Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 56 - 276	Проверка конспектов, выступление на семинаре с докладами по прочитанным главам.
Старообрядческие толки и согласия	2	Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 276-347	Чтение и конспектирование главы 5 (т.1) из монографии Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 276-347	Проверка конспектов, выступление на семинаре с докладами по прочитанным главам.
Миграция и расселение старообрядцев, социальная структура и жизнь	4	Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 356-483	Чтение и конспектирование глав 1-2 (т.2) из монографии Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 356-483	Проверка конспектов, выступление на семинаре с докладами по прочитанным главам.
История старообрядчества, запечатленная в публицистике и мемуарах	6	1. Матюшев П. Исход. 2. Басаргина А. Как мы бежали из России. 3. Мартюшев П. Вот как русские делают. 4. Куцев К. Хочется настоящих русских узнать.	Чтение и конспектирование статей и воспоминаний из монографии Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 643-675, 679-687.	Проверка конспектов, выступление на семинаре с докладами по прочитанным материалам.

Рекомендуемая литература
для самостоятельной подготовки

1. Аргудяева Ю.В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 3-12.
2. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы Дальнего Востока / <http://www.fegi.ru>. 25.05.05.
3. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004.
4. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира. // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей к 70-летию Л.Л.Касаткина / Отв. ред. М.А.Каленчук. М.: Изд-во РАН, 1998.
5. Дарбанова Н.А. Экспрессивная лексика говорів старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
6. Касаткин Л.Л. Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики / Отв. ред. Р.Ф.Касаткина. М.: Наука, 2002. С 152-160.
7. Касаткин Л.Л., Юмсунова Т.Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских – старообрядцев Забайкалья // Материалы исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 83-94.
8. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.
9. Кирпикова Л.В. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и

- современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 32-38.
10. Кирпикова Л.В. Непредметная лексика села Новоандреевка Белогорского района Амурской области: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1972.
 11. Кирпикова Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора. // Алтарь России. Владивосток – Большой камень, 1997. С. 83-86.
 12. Майоров А.П. Этимологизация диалектного слова и орфографический принцип его подачи в региональных словарях // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1955. С. 16-32.
 13. Матанцева М.Б. Архаичная лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.
 14. Махтеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина, 2002, № 3. С. 20-25.
 15. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск. 1903.
 16. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903 – 1905 гг. Благовещенск. 1906.
 17. Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток – Большой Камень, 1997. С. 7-12.
 18. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.
 19. Селищев А.М. Диалектологические очерк Сибири. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1921.
 20. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1920.
 21. Степанова И.Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идеостиле романов И.Калашникова

- // Материалы и следования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 472-487.
22. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говоров семейских Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
 23. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1992.
 24. Юмсунова Т.Б. Язык забайкальских старообрядцев-семейских и их языковая прародина // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). М., 2003. С. 368-379.
 25. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Формы контроля

1. Проверка конспектов и библиографии.
2. Собеседования по темам для самостоятельной подготовки.
3. Обсуждение плана, библиографии и содержания курсовой работы.
4. Собеседование по теме курсовой работы.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Особенности фонетической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области.
2. Особенности морфологической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области.
3. Особенности синтаксической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области.
4. Оппозиция «свой – чужой» в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области.
5. Представления о душе и теле в языковом сознании старообрядцев (семейских) Амурской области.

6. Концепт «Вера» в языковой картине мира старообрядцев (семейских) Амурской области.
7. Представления о страшном и таинственном в языковом сознании старообрядцев (семейских) Амурской области.
8. Морально-этические категории в языковой картине мира старообрядцев (семейских) Амурской области.
9. ЛСП «Семья» в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области.
10. Концепт «Жизнь» в языковой картине мира старообрядцев (семейских) Амурской области.
11. Речевой портрет семьи старообрядцев-семейских.
12. Языковые особенности фольклора старообрядцев-семейский.
13. Мужская и женская картина мира по данным диалекта.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУРСУ

Методическое обеспечение дисциплины

1. Раздаточный материал к лекциям.
2. Карты, плакаты, схемы.
3. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Язык фольклора /Под ред Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2003. Звуковое приложение на CD-ROM.
4. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора /Под ред Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. Звуковое приложение на CD-ROM.
5. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора /Под ред. Н.Г.Архиповой, Е.А.Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2006. Звуковое приложение на CD-ROM.

6. Архивная база по говорам старообрядцев (семейских) Амурской области (хранение – лаборатория региональной лингвистики при кафедре русской филологии).

МАТЕРИАЛЫ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Тема «Обзор исследований, посвященных говорам семейских.

Перспективы лингвистического изучения»

Одной из важнейших задач современной диалектной лингвокультурологии является выявление и описание ментальных особенностей русского крестьянства, закрепленных и функционирующих в языке народных говоров. Этические и эстетические установки, основные жизненные ценности: отношение к жизни и смерти, обществу, семье, труду, будням и праздникам, природе и т.д. – все эти категории обнаруживаются в языке говоров и фольклора [1, с. 5].

Цель спецсеминара – показать особенности традиционной культуры одной из компактных конфессиональных групп Амурской области – семейских старообрядцев – как языковую систему и систему традиционных крестьянских ценностей. Как отмечает И.В.Поздеева, «...все направления староверия в той или иной степени обрекли себя на постоянные компромиссы с изменяющейся исторической действительностью как раз для того, чтобы сохранить «отеческую» веру, культуру, быт» [2, с. 7] и, добавим, язык. Нами делается предположение о том, что анализ диалектного текста позволяет выявить (условно скажем) «ядро» и «периферию» народной культуры старообрядчества, т.е. те ценности, которые остались неизменными в течение многих веков, и те, которые претерпели изменения под влиянием конкретных исторических условий.

Историю, материальную и духовную культуру, язык старообрядцев можно изучать по разным источникам: архивным записям, историко-статистическим справочникам, лексикографическим трудам, изданным ранее научным исследованиям. Эти материалы позволяют сформировать относительно объективную точку зрения на изучаемый факт. Однако одним из важных источников изучения культурной специфики этноса является, как уже было отмечено, диалектный текст.

Фольклорно-диалектологические экспедиции в села Амурской области дают, в этом плане, богатый лингвистический, культурологический и этнографический

материал. В 2003-2007 гг. были совершены выезды в некоторые старообрядческие села Архаринского, Свободненского и Белогорского районов Амурской области: Грибовку, Заган, Желтоярово, Новоандреевку, Ключи, Никольское. В конце XI – начале XX вв. все они были основаны семейскими старообрядцами – переселенцами из Забайкалья.

Этноним «семейские» начал формироваться только в начале XIX в. относительно старообрядцев Забайкалья, ставших основой старообрядческого переселенческого движения на Дальний Восток и, в частности, в Амурскую область. Если первоначально староверов Забайкалья именовали «поляки» или «польские выселенцы», о чем свидетельствует академик П.С.Паллас, посетивший Забайкалье в 1772 г., то уже в 1824 г. писатель А.Мартос называет их «семейными» или «семейскими» [Цит. по 2, с. 5].

Итак, исследования, посвященные говорам семейских, можно разделить на две группы: описывающие старообрядчество Забайкалья и посвященные староверам Дальнего Востока.

В «забайкальских» исследованиях старообрядчества условно можно выделить три периода:

1) начало XX в. (см. работы А.М.Селищева «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (1920 г.) [3] и «Диалектологический очерк Сибири» (1921 г.) [4]).

2) 70-е гг. XX в. В этот период ученые вновь обратились к изучению старообрядческих говоров (спустя почти 50 лет после исследований А.М.Селищева). В научное описание вводилась фонетическая и морфологическая системы говоров. До 2-ой половины 70-х гг. менее всего была изучена лексика семейских, лишь в 1974 г. появляется работа Е.И.Тынтуевой «Бытовая лексика говоров семейских Забайкалья» [5], где, главным образом, описывается воздействие бурятского языка на говоры семейских.

3) 90-е гг. XX в. В этот период активизировалась работа над исследованиями языка старообрядцев Забайкалья в связи с подготовкой «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», представляющего собой первое системное лексикографическое описание лексики старообрядческих говоров данного региона. Предшественником этого словаря явился «Словарь русских говоров Забайка-

ля» Л.Е.Элиасова, включающий помимо старообрядческой лексики лексику старожильческих (в большей степени) говоров [6].

К настоящему времени в изучении говоров старообрядцев Забайкалья определились два основных направления: синхронно-описательное (Н.А.Дарбанова, Л.Л.Касаткин, Л.Б.Махтеева, Т.Б.Юмсунова и др.) [см., напр., 7, 8, 9, 10, 11, 12] и историко-генетическое (М.Б.Матанцева, А.П.Майоров) [см., напр., 13, 14]. К особому направлению принадлежат исследования, посвященные описанию идиостиля писателя в аспекте отражения в нем языковой картины мира семейских Забайкалья (И.Ж.Степанова) [см., напр., 15].

Таким образом, относительно говоров забайкальских старообрядцев назрела необходимость в обобщающих работах, посвященных исследованию современного состояния говоров семейских на разных языковых уровнях.

Что касается исследований, посвященных говорам старообрядцев (семейских) Дальнего Востока, в целом, и Амурской области, в частности, то они носят фрагментарный и разрозненный характер.

Так, историко-этнографические сведения содержатся в работах Ю.В.Аргудяевой [см., напр., 16, 17], описание отдельных лексико-семантических групп (непредметная лексика, наименования недугов и др.) – в исследованиях Л.В.Кирпиковой [см., напр., 18, 19, 20]. Являясь практически неизученными, говоры семейских Амурской области могут явиться предметом многостороннего лингвистического описания.

Попытаемся выявить те основания, которые можно было бы положить в основу научного описания амурского старообрядчества. Диалектный текст дает предпосылки для следующих наблюдений:

- 1) формирование и значение этнонима «семейские»;
- 2) исторические судьбы старообрядцев Амурской области:
 - а) исконная территория проживания (проблема «прародины» семейских);
 - б) миграционные волны и их причины;
 - в) толки и согласия амурского старообрядчества;
 - г) территория первых и последующих поселений;

- д) принципы наименования старообрядческих населенных пунктов;
- 3) особенности говоров старообрядцев Амурской области:
- а) синхронное многоуровневое исследование;
 - б) сравнительно-сопоставительное исследование;
 - в) определение говора-основы;
- 4) лингвокультурологический анализ текста, выявляющий концептуальную и языковую картины мира старообрядцев Амурской области.

Кратко остановимся на некоторых из этих аспектов.

Тема «История заселения и освоения старообрядцами Амурской области. Старообрядческие толки и согласия Амурской области»

Об этнониме «семейские»

Неизвестно, является слово «семейские» самоназванием или так называли переселенцев забайкальские и сибирские старожилы, в деревнях которых поселились «поляки». Однако название это, очевидно, связано с тем, что старообрядцы появились в Сибири и Забайкалье семьями и семейный образ жизни всячески поддерживали. Таким образом, семейские – старообрядцы, пришедшие в Сибирь и Забайкалье семьями, живущие большим семейным коллективом и поддерживающие семейный образ жизни. Отметим тот факт, что, по воспоминаниям старожилов амурских сел, старообрядческие семьи еще в начале XX в. насчитывали до 15 – 25 человек.

Другое толкование этнонима восходит к названию реки Сейм. Семейские (сеймейские) назывались так, потому что после первой старообрядческой «выгонки» XVII в. жили по реке Сейм (район Ветки – Могилевская губерния и Стародубья – северная часть Черниговской губернии).

Однако сами старообрядцы обычно объясняют происхождение этнонима «семейские» по первой версии: *«Почему называются? Потому что их ссылали целыми семьями... этими... семейскими называют»* (Давыдов В.Я., с.Заган); *«Ну вот она семейская песня, вот это семейская песня. Ну, почему она семейская? Или что семьи... (В)от мама как говорила, что приехали с Забайкалья мои родители,*

с Забайкалья, с семьями. (В)от потому, наверно, называли семейские...» (Сластина Е.И., с.Заган); *«... вот семейский народ так назывался. А семейский народ называли, потому что семьями суда приехали, и так их окрестили словом «семейские». И они и в Забайкалье есть такие слова, а суды это семейские. Семейские приехали, допустим, (в)от Заган. Населили и строили здесь, все одни семейские были»* (Свинкин Ф.И., с.Заган).

Исторические судьбы старообрядцев Амурской области

История наиболее ярких старообрядческих групп Сибири – семейских и поляков – изучена достаточно хорошо. Их переселение в Сибирь происходило в 60-е гг. XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла вторая «раскольничья выгонка» с Ветки (1764 г.) и, по некоторым предположениям, из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую Империю беглых (в основном, бывших крепостных крестьян), по некоторым данным, достигало 15 тысяч 200 человек. Среди них около 5 тысяч человек происходило из Московской губернии (охватывавшей тогда всю Центральную Россию); 2 тысячи человек называло местом своего прежнего жительства Новгородскую и Белгородскую губернии (в последнюю тогда входили не только Белгород и Курск, но и Орел, и даже Брянск); по 500-700 человек – губернии Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую. Есть сведения, что всего было «выведено» из Польши до 20 тысяч раскольников, все они были направлены в Сибирь. Одна из этих групп «польских» выведенцев попала в Забайкалье; другая была размещена на Алтае (их обычно именуют «поляки») [21, с. 12-25].

Еще одна большая, компактно поселенная группа старообрядцев проживает на Дальнем Востоке, в частности, в Амурской области. Старообрядцы и молокане сумели лучше других локальных конфессиональных образований приспособиться к местным природно-климатическим условиям и оказать существенное влияние на успешность хозяйственного освоения восточной окраины России [22, с.1].

Переселение староверов в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской Империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Вос-

точной Сибири графа Н.Н.Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье из Забайкалья для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась в Забайкалье, другая осталась на Дальнем Востоке [23, 1-9]. Причин к перемене места жительства у старообрядцев было много. Наши информанты указывают на следующие:

1. Гонение за веру.

Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях Григорьевой Екатерины Нестеровны, жительницы села Юхта Свободненского района Амурской области (запись 2001 года): *«... Это Ивановы. Оне читали-читали все эти книги, проповедовали старообрядческую веру. Дочитались что-о Исус Христос, он воскрес не в воскресенье, а в среду. Во-от дочитались и начали проповедовать: воскресенье не праздновали, а начали праздновать в среду... Ну, и-и там сход собрали и их выслали, Ивановых вот этих и тех, кто уже перешел в эту веру. И они оттуда уехали... вот ехали в Гуран. И началось тоже опять. А здесь это, ну, старове-ры. Во-от они стали-и опять веру эту свою проповедовать. И их опять выслали. Деда моего. Это второй раз уже выслали вот в Амурской области...».*

Однако данный пример, на наш взгляд, иллюстрирует раскол внутри самого старообрядческого течения, а не официальные, государственные, гонения за веру, как это было в никонианскую и екатерининскую эпохи. По записям А.М. Селищева, уже в 20-е гг. XX в. можно было говорить о потере единства в старообрядческих согласиях, отходе молодежи от «отцовской» церкви и добровольном переселении забайкальских и сибирских семейских в Амурскую область [3, с. 4].

Единичны воспоминания о религиозных причинах переселения старообрядцев на Амур: *«... они приехали из Забайкалья, а из Забайкалья их сослали за непо-чтение религии.»* (Давыдов В.Я., с.Заган).

2. Стремление уйти подальше от «мирского», уединиться, жить во чистоте и согласии со своей верой: *«... чистоты хотели, куда сюда ехали, веры истовой, вот по-этому и уходили в тайгу, старое людям оставляли, заново строились»* (Ерофеева Ф.Г., с.Заган).

3. Нехватка плодородной земли на прежней территории проживания , на наш взгляд, – основная причина переселения:

«- Бабушка не говорила, почему старообрядцы сюда ехали?»

- Ну, тогда ничё не было, да и чего? Зёмли! Жить-то было-было на чем-то. Жить надо было че-то, где-то паши нужны были. Жить надо было» (Ерофеева Ф.Г., с.Заган); *«Там были часть и семейских. Тогда шел народ на Дальний Восток, потому что здесь все, ну, как новое, подымалось все здесь, земли богатые были, все строились и пахали. Единоличная жизнь была. Всё это делали. Лошадей гнали такую даль, и лошадьми всё разрабатывали»* (Свинкин Ф.И., с.Заган).

По данным некоторых исследований, немало старообрядцев переселялось на восток и в поисках крестьянской утопической страны – Беловодья. Поиски обетованной земли с белыми водами не раз уводили староверов в неизведанные восточные земли, например, на Японские острова, окруженные со всех сторон морем. Однако наши полевые наблюдения не выявили рассказов о Беловодье. Это обусловлено, скорее всего, тем, что основной причиной переселения на Дальний Восток являлось малоземелье на прежней территории проживания.

Об этом свидетельствует следующий фрагмент из рассказов Григорьевой Е.Н.: *«– Не говорила ли бабушка о том, что есть земля, где люди живут счастливые, не было такого? Про Беловодье? – Не. Этого я не слышала. Вот так вот».*

В Приамурье старообрядцы интенсивно стали переселяться в 60-е гг. XIX в. Они селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми были старообрядцы – беглопоповцы, прибывшие из близлежащего Забайкалья [22, с.2-3].

Образование старообрядческих поселений Амурской области происходило преимущественно в период с 1858 по 1907 гг., т.е. охватывало примерно 25 лет. Нужно отметить быстрые темпы роста численности старообрядческих деревень: новые селения появлялись почти ежегодно. Первая деревня старообрядцев Сычевка (1858 г.) первоначально была заселена казаками и позднее переименована в Новопетровку, в ней и поселились старообрядцы. 1860-е годы оказались достаточно плодотворными для старообрядческого движения на Амур. В этот период по-

явились такие деревни, как Березовка* (1861), Заливная (1866), Ключи (1862), Круглая (1866), Москвитина (1862), Николаевка (1867), Томская (1864), Никольская (1860), Ново-Бурейская (1869), Павловка (1862), Петропавловская (1861), Платова (1865), Кутиловка (1869). В 70-е годы образовано три поселения: Бахирева (1871), Вознесенская (1877), Демикан (1874). Наиболее активным периодом заселения старообрядцами Амурской области являются 80-е годы, когда были образованы Бирма (1889), Бордогон (1883), Верхне-Белая (1889), Гуран (1883), Загорная Селитьба (1891), Красноярская (1884), Куликовка (1888), Кулусутай (1885), Лиственичная (1888), Малиновка (1881), Молчановка (1889), Натальинка (1886), Ново-Андреевка (1886), Тарбагатай (1887). В 90-е годы образовалось два населенных пункта: Белый Яр (1890), Грибовка (1898). Позднее были заселены Желтоярово (1900) и Заган (1907). Таким образом, в истории заселения старообрядцами Приамурья можно выделить несколько периодов, а временем самого активного освоения амурских земель можно считать 60-е и 80-е гг. XIX в.

Как показало исследование, ведущим типом номинации старообрядческих населенных пунктов Амурской области оказалось их отношение к тем или иным конкретным лицам. Так, ряд населенных пунктов назван по фамилиям переселенцев-основателей сел: Бахирево, Куликовка, Платово Завитинского района, Молчаново и Павловка Белогорского района, Москвитино Свободненского района, Натальино Благовещенского района. Много старообрядческих сел названо именами исторических личностей, сыгравших важную роль в истории Приамурья: в честь первого генерал-губернатора Андрея Николаевича Корфа было названо село Новоандреевка Белогорского района, в честь последнего Российского императора Николая II (Романова) – село Николаевка Ивановского района; по имени землеустроителя Грибского названо село Грибовка Архаринского района.

Часто в основу старообрядческого топонима было положено название населенного пункта, из которого шло переселение на Амур: Заган Белогорского района названо по имени села Новый Заган Тарбагатайской волости в Забайкалье, которое в свою очередь получило название по Заганскому хребту, Новопетровка

* Здесь названия старообрядческих населенных пунктов даются в первоначальной форме и орфографической записи.

Благовещенского района – по имени станицы Петровской в Забайкалье, Тарбагатай Белогорского района – по имени села Тарбагатай в Забайкалье.

Довольно распространенным у староверов является именование населенных объектов в честь религиозных праздников и святых: например, Вознесенка Ромненского района названа в честь религиозного праздника Вознесение Господне, Никольское Белогорского района – в честь Николина дня, который празднуют 22 мая, Петропавловка – в честь дня апостолов Петра и Павла.

Топонимы, образованные от имен нарицательных, могут быть характеризующими, если наименование складывается на основе выделения какой-либо качественной стороны называемого объекта, проявляющейся непосредственно в предмете, и функциональными, если внутренняя форма содержит указание на: а) деятельность человека относительно называемого объекта; б) место деятельности находящихся вблизи объекта и др. Среди названий старообрядческих сел характеризующими являются те, которые получили свое имя по:

а) названию местного водоема: село Бирма Серышевского района расположено на реке Бирма, Гуран Свободненского района – на реке Гуран; рядом с селами Ключи Белогорского района и Кулусутай Завитинского района находятся ключи;

б) местному природному объекту: село Березовка Ивановского района находится близ березовой рощи; село Гуран Свободненского района, по одной из версий, именуется по названию равнины, где водилось много диких козлов – гуранов;

в) характеру расположения и особенностям рельефа: село Верхнебелое Ромненского района находится в верховьях реки Белая; рядом с селом Белый Яр Завитинского района находится крутой обрыв (яр) со светлой – белого цвета – почвой; село Загорная Селитьба Свободненского района названо так, потому что находится за возвышенностью; рядом с селом Красноярово Мазановского района находится крутой обрыв (яр) яркого – красного – цвета.

По характеру происхождения все названия старообрядческих сел можно охарактеризовать как славянские и неславянские. Большинство имеют славянское происхождение (Берёзовка, Ключи, Круглое, Натальино, Грибовка), другие яв-

ляются бурятскими заимствованиями (Тарбагатай, Кулусутай, Заган). Это, главным образом, названия, перенесенные с прежней территории проживания крестьян-старообрядцев.

Исконным местом жительства старообрядцев, заселявших Амурскую область, являлись Забайкалье (Тарбагатайская волость), Енисейская, Пермская, Саратовская и Томская губернии. Следует сказать, что данные сведения были получены не только из географо-статистических источников [см. напр., 24], но и из рассказов-воспоминаний информантов.

Интересен тот факт, что старообрядчество Амурской области обычно описывается только как «семейщина». Однако анализ текстов самих старообрядцев-семейских представляет очень любопытную картину: под семейских подводятся разнообразные толки и течения старообрядчества (как поповского, так и беспоповского), существовавшие в Амурской области к моменту освоения старообрядцами дальневосточных территорий.

По архивным источникам и воспоминаниям потомков первых старообрядцев, большинство староверов, переселившихся в Амурскую область из Забайкалья, принадлежало к поповскому толку (выходцы из сел Тарбагатай, Куналей, Бичура, Новая Брянь, Никольское, Архангельское, Андреевка и др.). Некоторые информанты называют себя беглопоповцами, так как еще в Забайкалье, из-за нехватки собственных священников, их прадеды приглашали священнослужителей, желающих перейти из никонианской веры в старообрядческую. Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из Забайкалья и Сибири, помимо семейских, переселялись представители австрийского согласия, нырки, средники, самокрестцы, поморцы; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы; из Саратовской губернии – субботники. В настоящее время представители исторически различных толков и согласий амурского старообрядчества отождествляют себя с семейскими, не обнаруживая значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

Таким образом, верен независимо выдвинутый разными исследователями вывод о том, что старообрядцы разных толков и согласий поддерживали связи на семейном и общинном уровне. В целом, не было разногласий между сторонниками

старообрядческих течений. Поэтому осознание себя поляками, семейскими, кер-жаками носило скорее региональный характер, при том что сложилась этноконфессиональная идентичность – старообрядцы.

Тема «Этнографические и религиозные особенности семейских Амурской области по данным языка»

Амурские староверы старшего поколения очень бережно относятся к сохранению обычаев и обрядов веры: *«Свои были, раньше свой обычай был»* (Свинкин Ф.И.). К чужим обычаям относятся настороженно: *«Ну, видишь, так мы православные... они уже окаянные, мирские»* (Давыдов В.Я.). Старообрядцы противопоставляют себя не только людям других верований и национальностей, но и староверам других толков: *«Ну, как семейские, то все вместе, а вера вся разная»* (Ерофеева Ф.Г.), *«Каждая вера и хоронила отдельно»* (Давыдов В.Я.), *«Ну, вера-то разная, они по-своему молились. Как молились, называли так: это – нырки, это – семейские. У них своя вера, у других своя вот»* (Свинкин Ф.И.).

Семейские отличаются от других представителей православной веры по различному отношению к молитве, крещению, чтению книг, церкви и её служителям, церковным обрядам, церковным и мирским праздникам.

Как известно, старообрядцы отделились от православной веры ещё в XVIIв. в связи с изменением патриархом Никоном основ православной веры и церковных обрядов.

Староверы считают, что *«Никон – это патриарх. Это сколько изменений внес. Он всю веру, все книги и все велел уничтожить.. Ну, вот и разошлись, вот и называется старообрядцы»* (Григорьева Е.Н.).

Изменение книг и обрядов – лишь внешнее проявление раскола веры между ортодоксальным православием и старообрядчеством.

Внутренние же противоречия отразились в самом понимании русским народом новой («никонианской») веры как чужой. Как считают информанты, их пытались лишить того, на чём строился, понимался мир, – вечной, неизменной «славянской» веры. Попытка навязать «народной» вере чуждых представлений о пра-

вославии породила лишь раскол, глубоко переживаемый простыми русскими людьми: *«Когда гонение было, ну, сжигали людей за веру. Они пошли в огонь, они пошли в эту веру. А все остальные – оне не праведные»* (Ерофеева Ф.Г.); *«Если есть Бог, он должен быть един. Он в любой вере должен быть един. А раз он един, он не должен допускать разное чтение, раз он есть Бог»* (Григорьева Е.Н.).

Для наших информантов важно духовное начало, объединяющее старообрядчество: *«И вот все наши предки это же были праведные. Никоном начали выселяться... это переселенцы, это-о никоновские беженцы»* (Григорьева Е.Н.).

В отношении к православной «никонианской» вере проявляется семантика «чуждости». Для современных староверов всё, что касается православной веры, – чужое. «Чуждость» выражается через отрицательную коннотацию некоторых лексем: *православный, никонианцы, новая вера*. Новый православный мир – чужой, и он отвергается старообрядцами. Напротив, старообрядческая, старая вера – своя. Старая вера объединяет староверов всех толков на основе общности представлений о ней: *«Все мы старообрядцы, а семейские – это прозвище»* (Свинкин Ф.И.).

Оппозиция «свой» - «чужой» охватывает не только собственно региональный аспект, но и национальный. Представители иных национальностей входят в поле «чужой»: *«А белорусы, украинцы, вот Черноўка, там оне селились. Оне не то вражда, вражды не было такой. Оне, оне, как говорится, люди, ну, со своим с наречием, свой язык, свои понятия»* (Свинкина У.И.); *«Везли, везли баржами. Вот баржа идёт с Украины, украинцев привезли. Один раз баржа шла, и-и народу там на барже – белые. Ну, напугались, думаем, чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. В лаптях. А мы-то не знали лапти»* (Григорьева Е. Н.).

На первый взгляд, чуждость проявляется лишь в национальном аспекте семантика «чуждости» передаётся через лексемы *вражда, наречия, язык*. Выражается в понятиях *одежда, быт, образ жизни*: *«А у них-то одежда вся белая... Оне в лаптях»*, что позволяет сделать вывод об актуализации понятия чуждости, прежде всего, по внешним проявлениям.

Внешность, одежда, поведение является первым критерием для отнесения к сфере «своего» или «чужого». Белая одежда и лапти белорусов – это признаки «чужого», тогда как у староверов «своих» лаптей не было.

Интересен факт, что принадлежность к «своему» так же, как и к «чужому» открыто проявляется в речи потомков старообрядцев. Так, например, Свинкина У.И., жительница села Заган Свободненского района, называет своего мужа Федора Исааковича гураном, однако не отрицат тот факт, что он выходец из семьи старообрядцев. Можно предположить, что гуранами назвали не только забайкальских казаков, но и любых переселенцев из Забайкалья, в том числе и семейских. Подтверждение тому находим в воспоминаниях Свинкина Ф.И. о его встрече с гураном, где последний описывается с большой симпатией, как «свой»: *«Я на его вот как глянул, какое-то притяжение даже есть. На ём одежка такая точно, как у нас одеются. А это дело было зимой. Вот такие унтыки, сшитые с дикого животного, оне красивые. И такой верткий, ловкий такой мужичок, такой ростик, невысокий»*.

Через описание мужчины Федор Мсаакович объясняет, что делает человека «своим» - *«одёжка...как как у нас одеются, унтыки – красивые; такой верткий, ловкий такой мужичок»*. И всё это вызывает особое притяжение и расположение, на что указывают уменьшительно-ласкательные суффиксы: *(одежка, унтыки)*. Описание проводится ласково, даже любовно.

А так описывает «своё» Григорьева Е.Н.: *«И когда я зашла в это село, и на меня прям дыхнуло сразу старинным! Своим... И я говорю, сразу вот как будто я в свою деревню окунулась»*. Для неё своё – это прежде всего старинное, вызывающее ассоциации с родной деревней. Екатерина Нестеровна описывает своё, родное с необычным подъёмом.

По рассказам информантов, семейские молились по-своему, особенно. Молились дома, на икону. Молитвы отличались и от молитв старообрядцев других толков и от православных: *«Молились дома, на икону. Ставили нас всех на коленки, и мы молились»* (Григорьева Е.Н.).

По обычаям староверов креститься нужно двумя перстами в отличии от «неправедного» троеперстия и по особой схеме: *«На левой. На лоб. Потом на жи-*

вот, потом на правой стороне, потом на левой, опять на живот» (Ерофеева Ф.Г.). Как подчёркивают информанты, креститься шепотью, по православному обычаю, неправильно, чуждо.

Особое отношение у старообрядцев к церкви и ее служителям. Отказ от церквей и церковных служителей – яркий пример неприятия чужой, православной веры. Обряды же у старообрядцев проводил начитанный и очень верующий человек – уставщик: *«А крестили какие-то уставщики. У нас попов уже не было... они уже неправильные»* (Ерофеева Ф. Г.).

Церковные обряды выполнял тот же уставщик. В основе обрядов старообрядцев лежали православные традиции. Так же староверы отмечали все церковные праздники. *«А красные праздники... пасха, рождество, крещение – вот главные праздники»* (Ерофеева Ф.Г.).

Но это все лишь внешние атрибуты старообрядческой веры. Именно к ним, в первую очередь, отсылают все информанты, отвечая на вопрос, чем отличается старообрядчество от православия. Чаще всего ответ таков: *«Вера другая»* или *«Ну, двумя пальцами стали креститься. Вот этим только и различались»* (Давыдов В.Я.).

На первый взгляд, различия внешние и демонстрируют пережитки прошлого, но все информанты подчеркивают, что *«вера другая»*, это позволяет сделать вывод о более глубоких, внутренних религиозных различиях, где идет четкое отделение своего от чужого. Отношение к внутренним аспектам религиозного мировоззрения старообрядцев-семейских ощущается через почти неосознанное, проявляемое чаще всего лишь на подсознательном уровне понимание и принятие человеком своей веры и отрицание чужой.

Тема «Диалектная система говоров семейских Амурской области»

В результате неоднократных перемещений семейских на территории Европы и в Сибири их говоры испытали белорусско-польское воздействие в районах Ветки и Стародубья и монголо-бурятское в Забайкалье. Однако особенно сильному влиянию в Забайкалье подверглись исследуемые говоры со стороны русских ста-

рожильческих говоров Сибири, имеющих севернорусскую основу. В связи со сложностью исторической судьбы забайкальских старообрядцев выявление материнской основы их говоров вызывает определенные трудности [28, с. 33-36].

А.М.Селищев в работе «Забайкальские старообрядцы. Семейские.» (1920 г.) [3] отмечал, что ответить на вопрос, с какими русскими говорами семейщина составляла одно языковое целое, затруднительно вследствие многих диалектных наслоений. Легче определить ту область, где некоторое время жили предки семейских до переселения в Сибирь. Эта область – северная часть Черниговской губернии – Стародубье, или соседний край Могилёвской губернии – Ветка. На говоры старообрядцев Ветки и Стародубья воздействовали говоры тамошних поселенцев – носителей белорусского наречия, смешанного с малорусским и, слабее, с южно-великорусским. Говоря об особенностях речи семейских, Селищев отмечает в ней следующие черты:

- 1) длительный согласный [г] или [γ] вместо взрывного [г];
- 2) аканье и яканье;
- 3) употребление неслогового [ў], в том числе и вместо неударенного начального [у];
- 4) произношение [хв] ([хф]) и [х] в позициях фонемы /ф/;
- 5) окончание *-е* в форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода;
- 6) формы местоимений *мене, тебе, себе* в родительном и винительном падежах (но в дательном – *табе, сабе*);
- 7) специфические глагольные основы и окончания: *ездють, пекёшь, ходю, крутю, просю, чистю; ходють* и др. [3, с. 25-40].

Т.Б.Юмсунова указывает, что фонетические и морфологические особенности говоров семейских Забайкалья свидетельствуют о том, что, несмотря на более чем двухсотлетнее контактирование с окружающими старожильческими говорами Сибири, средне- и севернорусскими в своей основе, и говорами местного бурятского населения, а также на всё возрастающее влияние литературного языка, они сохраняют в своем традиционном слое основные черты материнских южнорусских го-

воров [28, с. 231-233]. Однако в специфических условиях жизни и деятельности, а также под воздействием литературного языка дифференциальные материнские черты постепенно нивелируются.

По Т.Б.Юмсуновой, сопоставительная характеристика реализации фонетических и морфологических особенностей в речи представителей разных поколений семейских показывает, что в исконных фонетических и морфологических системах этих говоров произошли процессы, которые завершились сменой старых форм и утверждением новых. Например, появление твердого произношения долгих шипящих [жж] и [шш], утрата конечного звука [т] в звукосочетаниях [ст], совпадение безударных окончаний у глаголов I и II спряжения 3 л. мн. ч. и др. В других случаях процесс смены фонетических и морфологических норм ещё не завершился. Например, не завершились окончательно переход от яканья к иканью и произношение губно-зубного [в] на месте губно-зубного [w] и [ў]-неслогового; наряду с взрывным [г] употребляется [γ]-фрикативный; не окончательно утрачен [j] в интервокальном положении; частотно произношение двойного мягкого согласного звука на месте сочетания [tj]; параллельно сосуществуют в косвенных падежах окончания *-а* и *-е* у личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч.; несистемно употребляются [т'] и [т] в форме глаголов 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени и др.

Общей тенденцией изменения фонетических и морфологических особенностей говоров семейских является сближение их диалектных систем с литературным языком, хотя, как отмечается, это процесс достаточно длительный [28, с. 37-117].

Сравнивая особенности говоров потомков старообрядцев Амурской области, рожденных на Дальнем Востоке, с данными А.М.Селищева и Т.Б.Юмсуновой, можно прийти к выводу о том, что диалектные особенности современных говоров семейских Амурской области во многом совпадают с чертами говоров старообрядцев Забайкалья. Так, отмечается повсеместное произношение гласного [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /о/; гласного [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /е/ перед твёрдыми согласными; гласного [а] в первом предударном слоге после мягких согласных как аллофона фонем /е/, /а/, /о/; твёрдых и мягких [р] и [р']; произношение [х] на месте [г] на конце сло-

ва; окончание *-е* у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед. ч.; наличие общего спряжения; мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л. и др.

Также нами отмечаются следующие черты говоров амурских старообрядцев: гласный [и] в первом предударном слоге как аллофон фонемы /а/ перед твёрдыми и мягкими согласными (*прила, приниси*); гласный [а] в первом предударном слоге после шипящих (*жара*); переход [е] в [о] (*современный, тёмно, помёрли*); произношение слова *что* как *чѣ, шо*; наличие звательной формы (*братко, паря, тятя, батенько*). Выявлены многочисленные синонимы-дублиеты в речи семейских-старообрядцев. Например, названия колыбели (*люлька, качулька, качалка, зыбка*), курицы-наседки (*квохтуша, квочка, самосадка, наседка, квохтушка*), цыплят (*цыпушки, цыплята, силки*), звуков, издаваемых собакой (*лает, гавкает, брешет*), курицей (*клычет, кудахчет, клохчет*) и т.д.

Эти данные позволяют сделать вывод, с одной стороны, о языковой общности говоров старообрядцев Амурской области и Забайкалья и, с другой, об изменении некоторых диалектных черт говоров амурских старообрядцев под влиянием других диалектных систем и литературного языка.

Выводы о переселении старообрядцев на Амур из Забайкалья, а, следовательно, о преемственности говоров подтверждаются историческими сведениями об образовании старообрядческих сёл, представленными в Географическо-статистическом словаре А.Кириллова [27]. Так, в источнике отмечается, что населенные пункты Заган, Желтоярово, Грибовка, Тарбагатай, Андреевка и многие другие образованы выходцами из Забайкалья.

Вторым важным доказательством являются воспоминания старообрядцев, в которых даются сведения о переселении их предков: «...году в девятьсот десятом приехали из Забайкалья. Там есть село большое Тар-тача-тай (Тарбагатай – прим. Н.А.). Оттуда они приехали сюда. Ну, в Амурскую область, по Амуру, и-и вот. Гуран. Гураны здесь, гураны были, старообрядцы тоже были» (Григорьева Е.Н. с.Юхта); «... они приехали из Забайкалья, а из Забайкалья их сослали... за непочтение...религии.» (Давыдов В.Я., с.Заган).

Таким образом, амурское старообрядчество представляет собой важный пласт религиозного, исторического и культурного наследия российского староверия. История приамурских старообрядцев неотделима от истории заселения и освоения дальневосточного региона (общеизвестно, что старообрядцы сыграли в этом процессе роль первопроходцев). В процессе миграций семейских на новые земли переносились этнокультурные и языковые «забайкальские» черты, которые изменялись в результате процесса приспособления к новым условиям жизни. Говоры потомков старообрядцев-семейских Амурской области являются интереснейшим объектом филологического наблюдения, поскольку дают богатый лингвистический материал для разработки различных аспектов старообрядческого движения в Приамурье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира. // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей к 70-летию
2. Л.Л.Касаткина / Отв. ред. М.А.Каленчук. М.: Изд-во РАН, 1998.
3. Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток – Большой Камень, 1997. С. 7-12.
4. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1920.
5. Селищев А.М. Диалектологические очерк Сибири. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1921.
6. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говор семейских Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
7. Дарбанова Н.А. Экспрессивная лексика говор старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
8. Касаткин Л.Л. Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики / Отв. ред. Р.Ф.Касаткина. М.: Наука, 2002. С 152-160.

9. Касаткин Л.Л., Юмсунова Т.Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских – старообрядцев Забайкалья // Материалы исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 83-94.
10. Махтеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина, 2002, № 3. С. 20-25.
11. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1992.
12. Юмсунова Т.Б. Язык забайкальских старообрядцев-семейских и их языковая прародина // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). М., 2003. С. 368-379.
13. Матанцева М.Б. Архаичная лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.
14. Майоров А.П. Этимологизация диалектного слова и орфографический принцип его подачи в региональных словарях // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1955. С. 16-32.
15. Степанова И.Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идеостиле романов И.Калашникова // Материалы и следования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 472-487.
16. Аргудяева Ю.В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 3-12.
17. Кирпикова Л.В. Непредметная лексика села Новоандреевка Белогорского района Амурской области: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1972.
18. Кирпикова Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора. // Алтарь России. Владивосток – Большой камень, 1997. С. 83-86.
19. Кирпикова Л.В. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность.

менность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 32-38.

20. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004.

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы Дальнего Востока / <http://www.fegi.ru>. 25.05.05.

21. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск. 1903.

22. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903 – 1905 гг. Благовещенск. 1906.

23. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.

24. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.

25. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Цели и задачи дисциплины.....	3
Содержание дисциплины и формы работы.....	4
Рекомендуемая литература для самостоятельной подготовки.....	12
Формы контроля.....	14
Темы курсовых работ.....	14
Учебно-методические материалы курса.....	15
Методическое обеспечение дисциплины.....	15
Материалы к семинарским занятиям.....	16